

Подлость

18+

Марина Владимирова

Марина Владимировна Владимирова

Подлость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63676217

SelfPub; 2021

Аннотация

Где граница, когда просто плохой поступок перерастает в подлость? Можно ли оправдать подлость отчаянием? Можно ли отвечать на подлость подлостью? Я хотела бы, что над этим задумались. Потому и написала этот рассказ.

Марина Владимировна

Подлость

— Я вас прошу заплатить мне. Наша семья нуждается в деньгах. Вы — мой жилец, и пользоваться тем, что я не могу вас выгнать, нехорошо.

Василий Иванович продолжал убеждать своего жильца, но голос тускнел, и говорил он не эмоционально, а монотонно, повторяя эти или похожие слова из месяца в месяц.

Василий Иванович жил со своей женой и дочкой в маленькой квартирке, а вторую, где раньше жила дочка с мужем, сдал. Денег, как и у всех, не было. Не было спирта, золота, антикварных вещей — не было ничего, что можно было бы менять на самое необходимое — продукты, дрова, теплые вещи. Но была квартирка. Маленькая, однокомнатная в двухэтажном доме. Со своей печкой. Туалет, правда, был во дворе, зато своя кухонька с умывальником, раковиной, с буржуйкой. Клад, а не квартира. Вот и порешили с женой — дочка переедет к ним, а квартиру будут сдавать. Муж дочки погиб, сама она прожить все равно не сможет. Во время войны она работала на заводе, возилась с химикатами. Может быть, это, а может, после похоронки, но что-то случилось со здоровьем. Все вроде бы нормально, но начала дрожать правая рука. Даже когда ничего не делала, рука все равно дрожала. Но главное даже не это. Варенька могла вдруг

замереть и простоять в этой позе долго-долго. И поза может быть неудобная, и шла она по какому-то делу. И вдруг замерла, как в детской игре «морская фигура замри», и стоит, пока «не отомрет». И лицо становится, как маска, застывшее и безучастное. Глаза неживые, смотрят в одну точку. А потом отомрет и не помнит — куда и зачем шла. И стукнуло-то только прошлой весной 32 года, а уже инвалид. Жалко, конечно. Но тут каждого второго жалко, если не первого. Сколько людей просто не вернулось домой, а тут — ну не здорова, но ведь жива-то. Вот и радуйся. Но с завода выгнали. Ну как в таких дрожащих руках химикаты удерживать? Пробовала устроиться на другие работы. Подержат недели две-три и увольняют. Вот и перебивалась случайными заработками.

Жена Василия Ивановича, Катерина Степановна, болела давно. Еще до войны как начала задыхаться, так и мучилась одышкой. Может, если подлечить, и полегчало бы. Да кто будет возиться, когда столько раненых, столько инвалидов. А тут всего-то одышка. Правда, сильная одышка, иногда совсем задыхалась, дышать нечем. Кажется, еще чуть-чуть, и совсем не вздохнет, еще немножко и все... Но приступ проходил, и жизнь продолжалась. Поблажки себе не давала, по дому возилась, ходила мыть полы в местном совете. Вот это самое спасительное, самое важное. И пайки перепадали, и карточки были. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Но наклоняться становилось все труднее, и каждый раз сердце замирало — а

вдруг выгонят? На работу выходила за два часа, идти нужно было в гору. Шла медленно, часто останавливаясь. Но приходила вовремя и очень старалась. Очень. Ночными кошмарами было — она и дочь без работы, перспектив нет. Что впереди?

Василий Иванович с войны вернулся. Забрали почти в последний призыв. Забрали с того же химического завода, где проработал всю жизнь. Завод не эвакуировали, фронт был далеко. Старался как все — все для фронта, все для победы. Недоедал, недосыпал. Жил, как многие. За год до победы призвали на фронт. И почти сразу его необученного, неподготовленного бросили в первый и последний бой его жизни. Винтовка была одна на пятерых, но эти четверо тоже пошли, не пойти было нельзя. Василий Иванович даже понять ничего не успел, даже испугаться толком не успел. Только яркая вспышка света, и вот он лежит в ямке. Пришел в себя. Где, что — понять ничего не может, встать тоже. А рядом лежит чья-то нога со знакомым таким сапогом. Он его лично зашивал и знал каждый стежок. Знал каждый сантиметр своего сапога, потому что берег, потому что заботился о своих сапогах. Потому что зимой без них не выжить. И вот лежит он и понимает, что перед ним его, Василия Ивановича, родной сапог. А, стало быть, и нога его. Понял, и тут же на свои ноги посмотреть не просто захотелось, а жить без этого, без того, чтобы увидеть свои ноги, стало невмоготу. Душно так стало, жарко. Попробовал Василий Иванович повернуться, чтобы

ноги-то свои увидеть, да не смог — потерял сознание. Очнулся он в госпитале. Без ноги. Так и закончилась для него война — два месяца, из которых месяц он только добирался до фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.